

Конституционная экономика, общественный договор и российское общество

Автор: А. П. ЗАОСТРОВЦЕВ

С. Воигт определил конституционную экономику как "относительно молодое направление исследования, чьи приверженцы заняты выбором правил как ограничений для человеческого поведения в противоположность выбору в рамках этих правил" [Voigt, 1997, p. 11]. Он же отмечал, что неоклассическая теория сфокусирована преимущественно на последнем аспекте, принимая, таким образом, институциональную среду как данную. Однако, по мере того, как институты осознавались в качестве релевантных к размещению и/или распределению ресурсов, а также в качестве подлежащих сознательной модификации, то оказывалось, что есть смысл в том, чтобы анализировать выбор правил с экономической точки зрения.

Применимы ли подходы конституционной экономики к анализу российской реальности? Здесь надо со всей очевидностью признать, что многие ее ключевые положения и рекомендации относятся исключительно к обществам, где конституции стали своего рода "гражданскими религиями". Например, традиционные для конституционной экономики рекомендации ввести конституционный запрет на бюджетный дефицит, естественно, строятся на предположении, что однозначно сформулированные конституционные положения будут безусловно соблюдаться.

Если воспользоваться введенной А. Ахиезером, И. Клямкиным и И. Яковенко терминологией, то можно утверждать, что конституционная экономика актуальна для обществ, находящихся во "втором осевом времени", где закон превращается в инструмент защиты прав и свобод граждан [Ахиезер, Клямкин, Яковенко, 2005, с. 38]. В работе Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вейнгаста аналогом "второго осевого времени" является концепция "порядка открытого доступа". Под ним они понимают социальный порядок, базирующийся больше на политической и экономической конкуренции, чем на создании рент. К странам с таким порядком они относят примерно две дюжины развитых стран [North, Wallis, Weingast, 2006, p. 4 - 5].

Однако концепция конституционной экономики обладает универсальной полезностью в той ее части, где она объясняет возникновение и закрепление конституционных прав (неотчуждаемых прав личности). В частности, она помогает понять, что мешает утвердиться этим правам в России.

___ **З а о с т р о в ц е в** Андрей Павлович - кандидат экономических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов.

Один из важнейших решаемых на стадии формирования конституции вопросов - выбор правила голосования. Как принимать коллективные решения? Единогласно? Квалифицированным большинством? Простым большинством? Конституционная политическая экономия утверждает, что рациональные эгоистические индивиды ("творцы конституции") способны выбрать такие правила голосования, которые максимизируют ожидаемую полезность от будущих постконституционных коллективных решений.

В этой связи рассматривается ситуация, когда репрезентативный индивид (депутат гипотетического учредительного собрания) всегда хочет быть в числе победителей по некоему вопросу j независимо от издержек принятия решения¹.

Как это обеспечить?

В принципе можно установить правило единогласия при голосовании, то есть фактически предоставить *liberum veto* каждому гражданину. Однако, как известно, такому варианту присущи запретительно высокие транзакционные издержки. Достаточно представить, что каждый раз санкция на то или иное действие (написание статьи, выступление по радио или телевидению и т.п.) выносится на национальный референдум.

Но ведь можно пойти и другим путем: устранить эти издержки через обеспечение положительного решения по вопросу j , закрепив его как безусловное личное право. "Право - это безусловная свобода любого индивида предпринимать какое-либо конкретное действие или воздерживаться от него без вмешательства или принуждения со стороны других индивидов или институтов" [Mueller, 1993, p. 106].

Любое ли личное право нуждается в конституционном оформлении? Почему, например, право выбора цвета лампочек на новогодней елке не нуждается в нем в отличие от права выбора религии? Два условия необходимы для утверждения права в качестве конституционного:

- когда реализация права j группой А порождает сильный негативный внешний эффект у группы В, способный привести к его запрету при правиле большинства;

- когда цена потери права j для группы А значительно превышает выигрыш от ликвидации негативного эффекта для группы В.

Очевидно, что право выбора религии обычно отвечает этим двум условиям (в отличие от права выбора цвета лампочек, к которому абсолютное большинство относится нейтрально). Запрет исповедовать какую-нибудь религию, несмотря на стойкое и сильное неприятие ее одной частью общества, может привести к гораздо худшим последствиям для проявляющих религиозную нетерпимость (терроризм, конфессиональные войны и т.п.).

В то же время неперенным условием практического закрепления права как конституционного является так называемая "вуаль неведения". Иначе говоря, репрезентативный участник "учредительного собрания" как рациональный эгоист тогда проголосует за закрепление в конституции индивидуальных прав, когда находится в условиях неопределенности относительно своего (или своих потомков) будущего статуса.

Будет ли он (они) в большинстве или меньшинстве; в богатстве или бедности и т.п.? Так, отцы-основатели США не допускали перспективы рабства для себя и своих близких. В результате не оградили от него других. Поэтому можно заключить, что "граждане пожелают защищать определенные индивидуальные права, когда издержки запрета этих прав для кого-либо очень велики по сравнению с выигрышем других и когда существует неопределенность для тех, кто пишет конституцию, будет ли это право их защищать или приносить вред" [Mueller, 1993, p. 110].

Что дают конституционные права? Следует подчеркнуть: они обеспечивают как вышеупомянутое устранение транзакционных издержек принятия единогласных решений,

¹ Здесь и далее в этом разделе экономический анализ конституционных прав строится на логике изложения этой проблемы Д. Мюллером [Mueller, 1993, p. 101 - 121; Mueller, 2003, p. 615 - 642].

так и мирное разрешение потенциальных конфликтов, существенное снижение неопределенности и в значительной мере устранение политических рисков. Реальное наличие или отсутствие этих прав (наряду, конечно, с другими признаками) проводит разграничительную линию между группами стран (эти группы часто называют цивилизациями) и определяет устойчивые разрывы между ними (в том числе и по такому привычному для экономистов показателю, как душевой ВВП)².

В то же время конституционные права недостаточно просто записать на бумаге (даже если эта "бумага" - формально принятая конституция). Для того чтобы конституционные права были фактически существующими и устойчивыми, необходимы:

1. Соответствие убеждениям, ожиданиям, ценностям общества ("надконституционному", или неформальному, общественному договору). "Наиболее общие и трудно изменяемые правила, имеющие глубокие исторические корни в жизни различных народов, тесно связанные с преобладающими стереотипами поведения, религиозными представлениями и т.п., и зачастую не осознающиеся индивидами, то есть перешедшие в разряд стереотипов поведения больших групп населения, называются надконституционными правилами. Они определяют иерархию ценностей, разделяемых широкими слоями общества, отношение людей к власти, массовые психологические установки на кооперацию или противостояние, и т.д." [Институциональная... 2005, с. 43].

2. "Моральная приверженность" доминирующего большинства принципам конституции (прежде всего, идее неотчуждаемых прав) на постконституционной стадии. Она органически связана с надконституционным договором. Если таковой близок формальным конституционным правилам, то конституционные права, в целом и основном, реализуются на практике. Если же он имеет мало общего с декларируемыми в конституции правами, то эти права подвержены системным нарушениям и становятся, в конце концов, имитационными правами или псевдоправами.

Некоторые теоретики конституционной экономики обычно проявляют избыточный оптимизм относительно результата рационального выбора. Отсюда, например, вытекает допущение о невозможности выбора диктатора, так как последствия такого выбора, скорее всего, приведут к проигрышу тех, кто его сделал. "Даже если на уровне конституционного выбора каждый гражданин будет сознавать, что у него имеется такой же, как и у любого другого гражданина, шанс быть избранным в "диктаторы", такое правило почти несомненно будет отвергнуто. Потенциальный ущерб от отправления произвольной власти одним избранным человеком перевесил бы ожидаемые выгоды" [Бреннан, Бьюкенен, 2005, с. 67].

Однако индивид вполне может делать выбор, не допуская мысли о том, что он или его потомки каким-либо образом пострадают от диктатора ("вуаль неведения" отсутствует), подобно тому, как отцы-основатели США не допускали возможности рабства для себя и своих близких. Ценности индивида могут совпадать или быть близки к декларируемым ценностям авторитарного (тоталитарного) правления, и он вполне может связывать с ним свое нынешнее и/или будущее благополучие. Неважно, прав он, в конечном счете, или нет в таком видении, но это его видение, его ценности, и именно им он будет следовать.

При массовой распространенности "недемократических" ценностей формальная конституция даже при наилучшем образом прописанных в ней гарантиях индивидуальных прав и свобод обречена на превращение в собрание благих пожеланий. Надконституционный общественный договор, построенный на чуждых этим правам и свободам ценностях, означает изначальное отсутствие "моральной приверженности" конституционным нормам. В свою очередь, моральное неприятие этих норм (или даже просто массовое равнодушие к ним) так или иначе выведет на политический Олимп те силы, которые в

² Об этих разрывах в связи с проблемой path dependency (зависимости от траектории предшествующего развития, или колен) см. [Аузан, 2005, с. 3 - 18].

своих эгоистических интересах реализуют заложенный в надконституционном общественном договоре социальный проект.

По всей видимости, есть основания предположить, что именно надконституционный договор является "геном-переносчиком" path dependency. Это предположение вытекает из концепции А. Дензау и Д. Норта о "разделяемых ментальных моделях" (shared mental models). Речь идет об исторически устойчивых и широко распространенных стереотипах массового сознания. Дензау и Норт утверждают, что "институты являются отражением эволюционирующих ментальных моделей" [Denzau, North, 1994, p. 22]³. Последние же составляют ядро надконституционного договора.

В то же время ментальные модели - наиболее консервативный элемент общественного бытия. Раз утвердившись, они могут в ходе истории менять оболочку (форму проявления), оставляя неизменной свою глубинную природу. Тем самым они как бы передают из поколения в поколение "эстафетную палочку", заряженную кодом определенного мироустройства. Выбить эту "эстафетную палочку" путем трансплантации чуждых институтов удастся, но крайне редко. Например, Норт, Уоллис и Вейнгаст отмечают, что несмотря на серьезное внимание к проблеме экономического развития со стороны организаций-доноров, после Второй мировой войны только восемь стран перешли от "порядка ограниченного доступа" к "порядку открытого доступа" [North, Wallis, Weingast, 2006, p. 72].

Надконституционный общественный договор в России

Традиционный надконституционный общественный договор в его российском варианте можно определить как "обмен личных прав на государственные гарантии". Российский надконституционный договор можно раскрыть через следующие связанные отношения предпочтения пары: патернализм предпочтительнее независимости; государственное управление - рынка; государственная собственность - частной; подавление - толерантности.

Попытаюсь последовательно обосновать наличие данных устойчивых предпочтений в отечественном социуме.

Патернализм-независимость. В одной из своих статей Ю. Левада констатировал, что для граждан России остается доминирующей "установка "разочарованного патернализма": люди не могут и не решаются чего-то требовать от государства, но ждут от него "отеческой" заботы и, разумеется, жалуются на недостаточность таковой". Говоря о своих представлениях о принципах "идеального" общественного устройства, 68% опрошенных ответили, что в таком строе "власть должна заботиться о людях", и только для 28% в нем "люди должны иметь возможность добиваться от власти того, что им нужно" [Левада, 2006а, с. 13].

С еще большей очевидностью массовые патерналистские установки, противостоящие индивидуальным правам и свободам, выявлены Левада- Центром в апрельском опросе 2006 г. На вопрос: "существуют ли для вас ценности, более значимые, чем демократические свободы и права человека?" 54% ответили "да, существуют", 28% ответили "нет, не существуют" и 17% затруднились с ответом. Уточняя, ради каких ценностей

³ В этой связи стоит заметить, что вряд ли оправданно утверждение Е. Гайдара о близости взглядов на экономическое развитие современных неонституционалистов и К. Маркса [Гайдар, 2005, с. 78]. Если уж проводить параллель с марксизмом, то у неонституционалистов, скорее, можно увидеть перевернутую марксистскую схему. Надстройка (ментальные модели) определяет производственные отношения (институты), а те, в свою очередь, производительные силы (технологии). Технологический детерминизм (свойственный не только марксизму) не может объяснить, например, такого эпохального события как появление конституции США в XVIII в. Какие особые производительные силы тогдашних британских колоний в Северной Америке обусловили "Билль о правах"? В то же время история идей (включая религиозные) и их распространение среди колонистов, по крайней мере, дает подходы к пониманию возникновения института неотчуждаемых прав.

Таблица 1

Ранжирование прав человека (в % от числа опрошенных в соответствующие годы)

Какие из прав человека, по вашему мнению, наиболее важны?	1994 г.	2002 г.	2004 г.	2005 г.
1. Право на бесплатное образование, медицинскую помощь, на обеспечение в старости, при болезни	64	70	74	76
2. Право на жизнь	63	52	54	61
3. Право на хорошо оплачиваемую работу по специальности	49	51	51	57
4. Неприкосновенность личной жизни, жилища	55	44	45	52
5. Право на гарантированный государством прожиточный минимум	33	35	41	45
6. Право владеть собственностью	29	25	30	35
7. Свобода слова	18	19	24	28
8. Право на получение информации	8	12	17	19
9. Право избирать своих представителей в органы власти	9	8	14	16
10. Свобода вероисповедания	14	13	13	16
11. Право уехать в другую страну и вернуться	11	13	13	15

Источник: Левада-Центр, 25 октября 2005 г.

можно пожертвовать свободой и правами человека, 54% указали на материальную обеспеченность, достаток (Левада-Центр, 5 мая 2006 г.)⁴.

Интересна временная динамика ответов россиян на вопрос: "чего в первую очередь не хватает сегодня человеку в России?". Уверенно лидирует "материальный достаток", причем его "нехватка" нарастает. В 1989 г. на это указали 51% опрошенных, в 1994 г. - 54%, в 1999 г. - 68%, в 2003 г. - 83% и в 2006 г. - тоже 83%. В то время как нехваткой политических прав в эти же годы были озабочены 11%, 5%, 2%, 8% и 13%, соответственно. Очевиден рост ощущения "дефицитности" политических прав в эпоху В. Путина (с 2% в 1999 г. до 13% в 2006 г.), но, что самое удивительное, на фоне значительного роста реальных доходов растет и ощущение нехватки материального достатка. Левада прокомментировал это явное доминирование предпочтения материального достатка как "признак бедности, даже убожества ценностных горизонтов общества" [Левада, 2006б, с. 15].

Из таблицы 1 видно, что россияне оказывают достаточно устойчивое и явное предпочтение не правам-возможностям (свободам), а правам-притязаниям, реализация которых требует от государства значительной опеки. Явно просматривается тенденция к повышению ценности ставших весьма дефицитными в 2005 г. свободы слова, права на получение информации и права избирать своих представителей в органы власти. Однако они все равно существенно уступают в оценках патерналистским воззрениям на права, претензиям на государственную милость.

Одно из самых ярких проявлений патерналистских настроений было зафиксировано в ходе совместного проекта Центра ЕС-Россия и Левада-Центра. Большинство россиян (66%) в 2006 г. полагали, что государство должно обеспечивать своим гражданам достойный уровень жизни, и лишь четверть отмечали, что "государство должно устанавливать единые для всех правила и строго следовать им". А число тех, кто считали, что "государство должно как можно меньше вмешиваться в жизнь и экономическую активность своих граждан", было и вовсе ничтожным (4%) [Восприятие... 2007].

___ 4 Здесь и далее ссылки даны на соответствующие пресс-выпуски Левада- Центра.

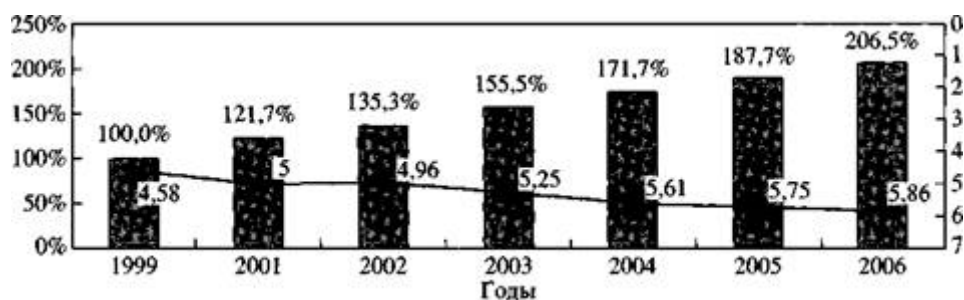

Рис. Реальный располагаемый доход (1999 г. - 100%) и рейтинг демократии в России. Источники [Всемирный банк, 2003; Всемирный банк, 2007; Freedom House, 2007].

Аналогичную картину показывает и опрос, проведенный Левада-Центром 13 - 16 июля 2007 г. Причем отмечается рост патерналистских настроений с 1997 г., хотя, казалось бы, рост благосостояния за эти годы должен был бы их ослабить и, наоборот, поднять ценность индивидуальной инициативы. На самом деле - все наоборот. На вопрос: "Какой принцип отношений между государством и его гражданами вы бы лично поддержали?" за принцип "государство должно больше заботиться о людях" в 1997 г. высказались 68%, в 2007 г. - 80%. Что же касается принципа "люди должны проявлять инициативу и сами заботиться о себе", то число его сторонников снизилось с 18% до 13% опрошенных (Левада-Центр, 27 июля 2007 г.).

Указанный опрос демонстрирует и восприятие большинством произошедших за десятилетие изменений как рост свободы. Был задан следующий вопрос: "Сейчас люди в России имеют достаточно свободы, слишком мало свободы или слишком много свободы?". Итоги таковы: "достаточно свободы" - в 1997 г. - 32%, в 2007 г. - 57%; "слишком мало свободы" - 20% и 12%, "слишком много свободы" - 34% и 24%, соответственно (Левада-Центр, 27 июля 2007 г.). Замечу, что для большинства россиян характерно весьма специфическое понимание динамики свободы. Фактически последняя для них отождествляется с обеспечиваемым государством (или приписываемым его заботам) материальным достатком и доступностью благ ("гастрономической демократией").

"Обмен" свободы на благосостояние иллюстрирует рисунок. Здесь показан, во-первых, рост реальных располагаемых доходов (левая шкала), во-вторых, рейтинг обычной (не суверенной) демократии в России (правая шкала) за соответствующие годы по оценке Freedom House (высший балл - 1, низший - 7).

Активность сторонников предпочтений патернализма в общественном договоре была убедительно продемонстрирована в 2005 г. в результате неожиданной для властей вспышки уличных протестов по всей стране по поводу монетизации льгот. А. Левинсон подчеркивал, что, по данным групповых дискуссий и интервью, дело здесь совсем не в том, какую сумму потеряли льготники. Дело именно в покушении на общественный договор. "Эта кампания по монетизации льгот была воспринята как разрыв социального договора общества и государства с пенсионерами. Вообще, реакция на монетизацию должна быть признана необычайно бурной. Ничего подобного у нас не было все эти годы. И даже шахтерские забастовки были в значительной степени спровоцированы местным начальством. А тут в значительной степени они были стихийными. И это потому, что треснула основная несущая конструкция отношения общества и государства, которая пришла еще из советских времен" [Левинсон, 2005].

Государственное управление-рынок. В апреле 2006 г., отвечая на вопросы относительно курса развития России, 20% опрошенных высказались за возвращение к советскому образу жизни, 43% - за изменение направленности реформ с тем, чтобы укрепить роль государства и обеспечить социальную защиту населения, и лишь 12% - за посте-

Таблица 2

Отношение к приватизации (в % от числа опрошенных в соответствующие годы)

	2003 г. июль	2004 г. июль	2005 г. июль
Нужно вернуть государству всю собственность, которой оно лишилось в те годы	37	40	43
Это можно сделать только в отдельных случаях, если будет доказано, что приватизация была проведена незаконно	31	30	32
Этот вопрос не стоит сейчас поднимать	20	22	17
Затруднились ответить	12	7	8

Источники: Левада-Центр, 5 августа 2004 г.; 3 августа 2005 г.

пенное сокращение роли государства в экономике и предоставление больших возможностей частным предпринимателям (Левада-Центр, 5 мая 2006 г.). В августе 2006 г. 58% респондентов выразили согласие с утверждением о недостаточности нынешнего участия государства в экономике, 22% считали эту роль достаточной и лишь 5% - слишком большой (Левада-Центр, 13 сентября 2006 г.).

Надо заметить, что к 2006 г. государство уже потеснило частный бизнес, и захват бизнеса властью зашел достаточно далеко. АО "Кремль" оккупировало многие "командные высоты" экономики. Подчинение бизнеса государству, патронирование его властью и даже "государственное рейдерство" стали нормой. Тем не менее в массовом сознании прочно отложились стереотипы 1990-х гг.: "страшные олигархи" (которые, если следовать классическому определению, таковыми не являлись) захватили государство и командуют им.

Однако дело не только и не столько в этих стереотипах. Для массы россиян вообще весьма характерно видеть в государстве "полюс добра", а в частнопредпринимательской деятельности - если не "полюс зла", то что-то "вторичное" по отношению к государству. Это обстоятельство, на мой взгляд, не опровергается положительным отношением россиян к малому и среднему бизнесу⁵.

Восприятие россиянами понятия "рыночная экономика" примерно такое же, как крупного бизнеса (29% относятся к нему положительно, 24% - отрицательно). К понятию "капитализм" положительно относятся 10% россиян, отрицательно - 40% [Восприятие... 2007].

Приведенные данные говорят о том, что для основной массы российского населения экономика, в которой государство играет доминирующую роль, - желаемый образец. Более того, даже то проникновение государства в экономику, которое состоялось в конце второго срока путинского правления, кажется многим недостаточным. Возможно, конечно, допустить, что респонденты не видят "теневых" полномочий современного российского государства по отношению к частному (точнее, формально негосударственному) сектору, но есть основания полагать, что даже если бы они их видели, то вряд ли бы эти полномочия показались им чрезмерными.

Государственная собственность - частная собственность. Это предпочтение наглядно выявляется в форме непризнания приватизации, доминирования требований вернуть все государству (см. табл. 2). И дело здесь не в недовольстве нарушения-

⁵ Согласно одному из опросов Левада-Центра, средний и малый бизнес явно выглядит скорее полезным, чем вредным (63% против 23%). В то же время представления о пользе и вреде крупного бизнеса одинаково распространены (43% против 44%) (Левада-Центр, 13 сентября 2006 г.).

Таблица 3

Были ли законными или нет такие действия, как...? (в % от числа опрошенных, начало ноября 2003 г.)

Вид действия	Да	Нет	Разница да-нет	Затруднились ответить
Национализация частной собственности на землю и крупную собственность (1917 г.)	44	39	5	17
Принудительная коллективизация и "раскулачивание" (1930-е гг.)	20	67	-47	13
Приватизация большей части госсобственности (1990-е гг.)	17	71	-54	12
Приватизация крупных предприятий (1990-е гг.)	13	85	-72	12
Приватизация малых предприятий торговли, сервиса и т.п. (1990-е гг.)	33	51	-18	16

Источник [Гудков, 2004, с. 35].

ми, допущенными в ходе приватизации. Тем более, что винят в них, как правило, чиновников, а не бизнесменов.

В 2006 г. лишь 14% предпочли бы "признать такими, как они есть" результаты приватизации госсобственности, проведенной в 1990-х гг. прошлого века; 29% высказались за то, чтобы эти результаты полностью пересмотреть; 28% - за пересмотр приватизации крупнейших предприятий и важнейших сфер экономики; 19% поддержали бы такой пересмотр, если бы приватизированные предприятия стали хуже работать, неисправно платить налоги и зарплату (Левада-Центр, 1 августа 2006 г.).

Данные таблицы 3 подтверждают тезис о том, что государственной "воле" в надконституционном договоре отдается явное предпочтение перед правами собственности. Особо показательно отношение к приватизации малых предприятий торговли, сервиса и т.п. Замечу, что к моменту опроса прошло 10 лет со времени "малой приватизации". Комментируя приведенные выше данные, Л. Гудков замечает, что "дело не просто в уравнилельных представлениях, ставших обычными на протяжении советского периода, но и в устоявшихся представлениях о государстве как единственно допустимом право- распорядителе собственнических или имущественных отношений" [Гудков, 2004, с. 35].

Иногда встречаются утверждения, что выводы, подобные тем, что сделал Гудков, некорректны, так как рассматривается не отношение к частной собственности, а приватизация. Действительно, если взглянуть на отношение населения к частной собственности и приватизации, то будет заметно существенное различие. Так, положительное отношение к частной собственности высказали 44% опрошенных, отрицательное - 14%, тогда как соответствующие цифры по отношению к приватизации - 22% и 36% [Восприятие... 2007].

В этой связи позволю себе высказать следующее предположение. С частной собственностью у большинства населения, скорее всего, ассоциируется преимущественно то, что при социализме называли "личной собственностью". Именно она носит легитимный характер, то есть признана не только юридически, но и фактически массовым сознанием. Более того, по всей видимости, ее легитимизация произошла еще в 70-е гг. XX в. Содержит она всем известный "джентльменский набор": квартира, дача, машина.

___ 6 В 2004 г. абсолютное большинство опрошенных (62%) возлагали вину за нарушения в ходе приватизации на чиновников. Бизнесменов считали виновными лишь 6% (Левада-Центр, 5 августа 2004 г.).

И не важно даже то обстоятельство, что квартиры и дачные участки не были тогда формально частной собственностью. Они признавались таковой *de facto*.

Сегодня этот набор изменился в силу как чисто технологических, так и социальных причин (расширения прав собственности, открытия экономики). Квартиры стали лучше и просторнее, дачи превратились в загородные дома с условиями для постоянного проживания, участки расширились, а место "жигулей" заняли "тойоты" и "опели". Однако принципиальных сдвигов в массовом правосознании не произошло. И даже положительное отношение к малому и среднему бизнесу не говорит однозначно в его пользу, поскольку одновременно за государством признается фактическое право верховной собственности.

Так, уничтожение региональной властью значительной части мелкорозничной торговли и независимых пассажирских перевозчиков в Санкт-Петербурге (зачастую неправовыми методами) не вызвало никаких сопоставимых с масштабами производства протестных действий. И даже массовый снос гаражей при строительстве петербургских "хайвеев" (а уж, казалось бы, гаражи признаются легитимной собственностью граждан еще с социалистических времен) не стал поводом для массовых выступлений, несмотря на явно недостаточную компенсацию, а то и вовсе отсутствие таковой.

Другой частной собственностью на капитальные активы, кроме той, что возникла в ходе приватизации, в стране почти нет (ведь множество бизнесов, которые, как кажется, стартуют сегодня с нуля, имеют источником первоначального накопления доходы, полученные в результате эксплуатации приобретенных в процессе приватизации фондов). А поэтому для развития страны по пути становления неотчуждаемых прав важно не отношение к какой-то абстрактной частной собственности, а к той частной собственности, которая была объявлена таковой государством, проводившим политику приватизации.

И наконец, стоит отметить то обстоятельство, что права собственности - в реальности вещь неделимая. Нарушение прав собственности М. Ходорковского или М. Гусериева, истории со сносами ларьков и частных гаражей и им подобные - явления одного порядка. В этой связи следует обратить внимание на важнейшее условие гарантированности прав собственности - независимость судебной системы.

С одной стороны, 68% россиян не чувствуют, что находятся под защитой закона. С другой стороны, при ответе на вопрос, "Что, по вашему мнению, лучше для России?", разделение судебной, законодательной и исполнительной ветвей власти (главного условия нахождения под защитой закона, включая защиту прав собственности) выбирают только 18%. В то время как совместную работу исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти, да еще координируемую президентом, выбирают 62% [Восприятие... 2007].

Пока господствует такое представление о частной собственности, ее сохранность не просто не гарантирована. Она обречена сдавать свои позиции собственности государственной, которая в российских условиях (непубличности государства, неподотчетности его обществу), в сущности, является коллективным владением бюрократии.

Рассмотренная выше прочно устоявшаяся "ментальная матрица" применительно к отношениям собственности означает практически неизбежность воспроизведения феномена, который получил определение "власть- собственность". Согласно одному из определений, "речь идет о нерасчлененном единстве властных и собственнических функций: политическое лидерство дает неотъемлемое право распоряжаться собственностью, а собственность органически подразумевает наличие политического авторитета" [Нуреев, 2005, с. 323]. На этой основе в современной России происходит становление постсоциалистической модели патримониального государства⁷.

⁷ Согласно Р. Пайпсу, "в таких государствах политическая власть мыслится и отправляется как продолжение права собственности, и властитель (властители) является одновременно и сувереном государства и его собственником" [Пайпс, 1993, с. 11].

Таблица 4

С какими из приведенных высказываний вы согласны в большей степени? (в % от числа опрошенных)

Суждение	2003 г.	2006 г.
Россия - часть Запада, она должна стремиться к сближению со странами Европы и США	12	10
Россия - евразийское государство, у нее свой путь развития	76	75
Россия - восточная страна - она должна ориентироваться на сотрудничество со странами Азии	6	6
Затрудняюсь ответить	6	9

Источник [Восприятие... 2007].

Подавление-толерантность. Проявления доминирования подавления весьма многолики: от неприятия чужого образа жизни до империалистической ментальности. Это доминирование подавления над толерантностью в полной мере проявляется как в провозглашении пресловутого особого пути (см. табл. 4), так и в органически вытекающем из него неприятии так называемых западных стандартов (фактически правового государства, сильного гражданского общества, прав собственности и автономии личности), стремлении к борьбе с ними как с чуждым явлением, уходу в агрессивный изоляционизм.

К этому можно добавить, что 71% россиян не считают себя европейцами, только пятая часть опрошенных думают, что у России и Европы единая культура [Восприятие... 2007]. Суждение "России нужно активно включаться в мировую культуру, ориентироваться на западные стандарты жизни" в 1999 г. поддерживали 23% опрошенных, в 2003 г. - 25%; тогда как с суждением "России нужно бороться с чуждыми русскому народу западными влияниями, возродить самобытный уклад жизни русского народа" солидаризировались 58% и 49%, соответственно [Левада, 2004, с. 25].

Высоко ценится и "имперское величие". Вернуть России "статус великой уважаемой державы" ждали от будущего президента в январе 2000 г. 55%, а в январе 2004 г. - 58%, тогда как сближения с Западом - 8% и 7%, соответственно. Причем среди имеющих высшее образование процент ждущих статуса великой державы выше среднего, а ожидающих сближения с Западом ниже среднего (опрашивалось по 1600 человек) [Левада, 2004].

Исследование восприятия европейских ценностей показало также, что в лице Европейского союза (ЕС) 45% респондентов видят потенциальную угрозу для России; 25% респондентов, считающих ЕС угрозой, полагают, что Россия может потерять финансовую и промышленную независимость, 15% боятся засилия чужой культуры, 15% обеспокоены возможной потерей политической независимости. В 2000 г. 35% россиян соглашались с утверждением, что западная культура губительна для России; к концу 2006 г. этот показатель вырос до 42% [Восприятие... 2007].

Предпочтение подавлению толерантности просматривается в международных отношениях и как предпочтение империализма партнерству. Это выражается в активной поддержке значительной частью населения внешней политики России последних лет. При этом "образ врага" в общественном сознании меняется в зависимости от веяний российской внешней политики. Так, в 2005 г. только 5% называли Украину в числе пяти наиболее враждебных по отношению к России стран, в 2006 г. - уже 28%. В 2007 г. на первое место вышла Эстония (60% против 28% в 2006 г.) (Левада-Центр, 30 мая 2007 г.).

"Геополитический дискурс русскому человеку совсем не чужд. Даже живя внутри России, он чувствовал себя живущим в стране, которая простирается на полмира, управляет половиной мира. И только это есть достойный статус для российской державы. Готовности существовать в качестве просто некоторой страны, шестой по населению - сегодня нет абсолютно. Ничего, кроме как второе место в мире. И чтобы партнер - Со-

Таблица 5

Какая политическая система кажется вам лучшей? (в % от числа опрошенных)

	1996 г.	1997 г.	1998 г.	2000 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Советская, которая у нас была до 90-х гг. XX в.	34	38	43	42	48	41	42	35
Нынешняя система	18	11	5	11	18	19	23	26
Демократия по образцу западных стран	25	28	32	26	22	24	20	16
Другое	8	8	7	4	6	5	6	7
Затрудняюсь ответить	15	15	13	17	6	11	9	16

Источник [Восприятие... 2007].

единенные Штаты, а не многолюдный Китай. На это вот согласны, а все остальное - беда, временное состояние, которое нужно исправить. А если оно навсегда, то надо побыстрее помереть" [Левинсон, 2005].

Общественный договор как "институциональная ловушка"

На Интернет-сайте polit.ru прошла дискуссия по книге А. Аузана "Договор- 2008" [Договор-2008... 2007]. И хотя дискуссия была озаглавлена "Договор- 2008: новый взгляд", в ней, как и в предыдущих материалах (например, публичных лекциях автора на этом сайте и их обсуждениях), центром внимания не стал главный вопрос - что делать с уже существующим общественным договором? Ведь он - антагонист предлагаемому Аузаном новому договору, основанному на том, что у нас принято называть западными ценностями.

Эта смена надконституционных договоров означала бы радикальный переворот в фундаментальных основах российского общества: в сущности, так и не состоявшуюся в истории России буржуазную революцию. Такое сравнение подчеркивает архаичность имеющихся ныне российских институтов. Все попытки выдать эту отсталость за равную Западу иную цивилизацию (типа учения об общественных матрицах С. Кирдиной [Кирдина, 2002]) разбиваются об историю ее регулярных крахов. Описанная ею и ее коллегой О. Бессоновой [Бессонова, 2006] "раздаточная экономика" на самом деле есть неплохое изображение так называемой "институциональной ловушки" - тупиковой институциональной модели российского общества.

В то же время нельзя не видеть ее прочность, способность к взрывной эволюции и активному приспособлению в XX в. к задачам индустриализации (не зря советский социализм называют иногда "индустриальным феодализмом"), а также (и это главное) соответствие тому типу общественного договора (согласия), который описан выше. Россия очень далека от европейских ценностей; поэтому представляется, что, утверждая обратное, некоторые либеральные экономисты выдают желаемое за действительное⁸. Как мы видели, абсолютное большинство населения совсем не идентифицирует себя с европейцами и их ценностями.

Одно из решающих свидетельств в пользу устойчивости действующего надконституционного российского общественного договора - предпочтения населения в отношении политических систем (см. табл. 5). Население делает выбор между прошлым социализмом и нынешней системой (условно ее можно назвать "путинским неосоциализмом"), а

⁸ Трудно, например, согласиться с Е. Ясиным, когда он пишет, что "при всех наших особенностях мы принадлежим к европейской цивилизации" [Ясин, 2007, с. 33].

вот число сторонников демократий по образцу западных стран неуклонно сокращается. Довольно большое их число в 1998 г. можно объяснить отсутствием новой этакстистской альтернативы традиционному советскому социализму. По мере утверждения "путинского неосоциализма" количество "западников" резко сократилось.

Гудков, следуя классификации М. Вебера, справедливо связывает легитимность российской власти с легитимностью традиционного порядка, которая "лежит в границах привычного произвола, заданного рамками обычного права, рутинных институтов, а возможность их нарушения сдерживается лишь угрозой возмущения и бунта подданных, в крайних случаях преступлений власть имущих". В результате всех событий XX в. в России ""правовая" традиция ("произвол власти" или "самодержавие" власти как принцип конституции социального порядка) как раз и не разрушена" [Гудков, 2004, с. 32, 41].

Естественно, что в такой системе общественных отношений формально прописанные в конституции индивидуальные права (преимущественно копирующие соответствующие положения конституций правовых государств, базирующихся на принципиально ином надконституционном договоре) достаточно быстро выявляют свое несоответствие реальному общественному договору, согласно которому не индивиды обладают неотчуждаемыми правами, а государство вольно распоряжаться индивидами, наделяя их некими полномочиями по своему усмотрению и столь же легко лишая их таковых. Фактически общественный консенсус признает не права человека, а права государства на человека.

Справедливо ставится вопрос: а есть выход из подобного общественного договора? Надо сказать, что трудность трансплантации институтов заметил еще Л. Мизес задолго до появления современных теорий path dependency (колеи)⁹. И это же особо подчеркивают сегодня Норт, Уоллис и Вейнгафт. "Никакие силы, присущие логике, социальной структуре или исторической динамике порядков ограниченного доступа, не ведут их неизбежно к превращению в порядки открытого доступа. Поскольку естественные государства обладают внутренними силами, базирующимися на исключениях, привилегиях, создании рент, они - стабильные порядки. Следовательно, их чрезвычайно трудно трансформировать" [North, Wallis, Weingast, 2006, p. 71].

Норт, Уоллис и Вейнгафт выдвигают три так называемых пороговых условия, которые необходимы для старта перехода от одного порядка к другому. Это - верховенство закона (rule of law) для элиты, постоянные формы организации для элиты (включая само государство)¹⁰, политический контроль над военными. Реализация этих трех условий значительно повышает выгоды кооперации, расширяет и облегчает обмен, поскольку делает его неперсональным внутри элиты. Выгодный элите, он постепенно захватывает все общество (расширяет доступ). Открытый доступ в политические, экономические и прочие общественные организации рождает конкуренцию, а конкуренция - прогресс.

Однако что изначально заставляет элиту принять новые правила игры в одних странах и не принимать в других? Этот вопрос, на мой взгляд, остался у этих трех авторов без ответа. Можно лишь заметить, что в XX в. трансформации из одного порядка в другой, более высокий, происходили часто в результате мощнейших экзогенных шоков (например, поражения во Второй мировой войне Германии и Японии). Они ломали приверженную старому порядку элиту искателей ренты и открывали дорогу новой, ориентированной на открытый доступ и конкурентный механизм.

⁹ "Западную технику имитировать не трудно, - писал он, говоря о проблеме отсталости Востока. - Но было почти невозможно трансплантировать умонастроения и идеологии, создавшие социальную, правовую, конституционную и политическую атмосферу, давшую жизнь этому современному технологическому прогрессу" [Мизес, 2006, с. 144].

¹⁰ Организации, живущие дольше, чем их отдельные члены (типичный пример - акционерные общества).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аузан А. А. Общественный договор и гражданское общество // Мир России. 2005. N 3.
- Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2005.
- Бессонова О. Э. Раздаточная экономика России. Эволюция через трансформации. М., 2006.
- Бреннан Дж., Бьюкенен Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономия. СПб., 2005.
- Восприятие россиянами европейских ценностей. Исследование Центра ЕС- Россия и Левада-Центра. 2007 // [http://www.eu-russiacentre.org/assets/files/EU- RC%20Levada%20research.pdf](http://www.eu-russiacentre.org/assets/files/EU-RC%20Levada%20research.pdf).
- Всемирный банк. Доклад об экономике России. 2003, август // http://ns.worldbank.org.ru/files/rer/RER_6_ras.pdf.
- Всемирный банк. Доклад об экономике России. 2007, июнь // http://siteresources.worldbank.org/INRUSSIANFEDERATION/Resources/RER14_rus_full.pdf.
- Гайдар Е. Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М., 2005.
- Гудков Л. О легитимности социального порядка в России // Вестник общественного мнения. 2004. N 2.
- Договор-2008: новый взгляд // <http://www.polit.ru/Aectures/2007/06/28/dogovor2008.html>.
- Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория. М., 2005.
- Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. М., 2002.
- Левада Ю. Исторические рамки будущего в общественном мнении // Вестник общественного мнения. 2004. N 1.
- Левада Ю. Общественное мнение в политическом Зазеркалье // Вестник общественного мнения. 2006а. N 2.
- Левада Ю. Человек недовольный? // Вестник общественного мнения. 2006б. N 5.
- Левинсон А. Путин как зеркало // <http://www.polit.ru/analytics/2005/03/15>.
- Мизес Л. фон. Всемогущее правительство. Тотальное государство и тотальная война. Челябинск, 2006.
- Нуреев Р. М. Основные институциональные модели становления и развития капитализма // Институциональная экономика. М., 2005.
- Пайпс Р. Россия при прежнем режиме. М., 1993.
- Ясин Е. Г. Модернизация и общество. М., 2007.
- Denzau A.T., North D.C. Shared Mental Models. Ideologies and Institutions // Kyklos. 1994. Vol. 47.
- Freedom House. Nations in Transit-2007. Russia // http://www.freedomhouse.hu/images/fdh_galleries/NIT2007/nt-russia-final.pdf.
- Mueller D.C. Public Choice Approach to Politics. Aldershot, 1993.
- Mueller D.C. Public Choice III. Cambridge, 2003.
- North D.C., Wallis J., Weingast B. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History // NBER Working Paper Series. Working Paper 12795. December 2006.
- Voigt S. Positive Constitutional Economics: A Survey // Public Choice. 1997. Vol. 90. N 1 - 4.